

УДК 821.161.1-343.4 : 398

**РОМАНТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ
В. С. ПАЖЕТНОВА (СКАЗКА «САДОВАЯ ДВЕРЦА»)**

И. В. Карташова, А. А. Петров

Тверской государственной университет
кафедра истории русской литературы

В статье рассматривается художественное творчество ученого-биолога В. С. Пажетнова. При анализе произведений писателя установлены фольклорные и романтические истоки сказок «дедушки Вали». В выводах указано, что в настоящее время традиции романтизма сохраняются в региональной литературе.

Ключевые слова: фольклор, литература, романтизм, этнография, краеведение.

Мудрец с отчаянной улыбкой,
рассвет встречающий в лесу,
склонясь над веткой, как над скрипкой,
губами трогает росу.

В. М. Воробьев
«Валентин Пажетнов. Мудрец» [5, с. 57]

В 1985 году в д. Бубоницы Торопецкого района Калининской (Тверской) области была основана биостанция «Чистый лес», входящая в состав Центрально-лесного государственного биосферного заповедника (создан в 1931 г. Г. Л. Граве) [2, с. 6]. Ее основатели – Валентин Сергеевич Пажетнов (1936 г. р.), доктор биологических наук, заслуженный эколог России и его жена – Светлана Ивановна. В задачи работы биостанции входит изучение формирования и поведения бурых медведей, а также воспитание медвежат-сирот и адаптация их в дикой природе. За свои исследования в области науки в 2013 году В. С. Пажетнов удостоен медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени [6, с. 1].

С 1998 г. на базе станции была организована летняя экологическая школа «Медвежата», которая располагается на берегу озера Ручейское. Обучение в ней предполагает не только знакомство с природой, но и с историей и бытом края [21, с. 2], а с 2008 г. для учащихся проводится «Школа ремесел» [1, с. 2], занятия в которой направлены на формирование у подростков навыков традиционных народных ремесел. Краеведческая деятельность сотрудников биостанции также заключается в собирании фольклора этих мест и его «воскрешении»; записанная в начале 1980-х гг. студентами Ленинградского электротехнического института от местного жителя Егора Трофимыча легенда о том, что в Тихомировском бору между

дд. Головково и Косилово захоронено древнее чудовище, обретает второе рождение [7, с. 54–68].

Деревня Бубоницы стала базой биостанции не случайно: «Да, удивительна Торопецкая земля своим внешним обликом, – говорит Валентин Сергеевич, – но самое главное, у нее есть особое внутреннее содержание, которое не дает покинуть этот край. В первую очередь это относится к нашим Бубоницам. В свое время мы долго выбирали место для биостанции, а когда увидели Бубоницы и окрестности, вопрос был практически решен сразу» [12, с. 5].

В. С. Пажетнов – человек, страстно влюбленный в природу, охотовед, ученый-биолог, обладающий широкими познаниями в самых различных областях культуры. Он написал целый ряд не только научных и научно-популярных книг [13], но и художественных произведений. В 2010 г. в Великих Луках были изданы два сборника его сказок – «Сказки дедушки Вали». В первую книгу вошли такие произведения, как «Топоток», «Урман и родник», «Садовая дверца», во вторую – «За добро добром и отплатится», «Как медведь пасечником стал», «Лесная больница» [14; 15]. В настоящее время планируется издание сборника историй о животных под названием «А у нас во дворе» [16, с. 4], часть которых опубликована в газете г. Торопца «Мой край» («Одинец» и «Петрович») [17, с. 5; 18, с. 5].

«Сказки дедушки Вали» написаны человеком, знакомым с традиционной народной культурой. В жанровом отношении тексты из сборника В. С. Пажетнова восходят к волшебным сказкам и сказкам о животных. Сюжетные мотивы и художественные образы в этих произведениях во многом продолжают традиции фольклорной сказки (троекратные повторы, волшебные помощники, всё большее усложнение задания для положительного героя), в стиле писателя прослеживается влияние народной речи. Вместе с тем, при всей близости к фольклорной традиции в сказках В. С. Пажетнова просматриваются связи с романтической сказкой и шире – с романтической фантастической повестью, впрочем, следует оговориться, что в данном случае две сферы влияний – фольклорную и романтическую как литературную – не следует резко разграничивать. Как русские, так и европейские писатели-романтики высоко ценили фольклор, видели в нем богатый источник поэзии, яркого эстетического переживания. По мнению А. В. Михайлова, они обращались к народному искусству как «творческому праисточнику» [10, с. 25].

Романтикам импонировал сам способ фольклорного художественного мышления: свободная игра фантазии, слияние действительного и чудесного, «вхождение» волшебства в самую обыкновенную жизнь – поэтому глубокие связи с фольклором имеет романтическая фантастика. В своем генезисе романтические фантастические сюжеты, образы и художественные приемы нередко восходят именно к народному искусству. Заметим также, что хотя в сказках «дедушки Вали» не создается образ вымышленного рассказчика, столь характерный для романтических текстов, и дедушка Валя – это, по-видимому, есть сам Валентин Сергеевич Пажетнов, все же само название его сборников также продолжает романтическую традицию – достаточно вспомнить

«Бабушкины сказки» Жорж Санд или «Сказки и повести для детей дедушки Иринея» В. Ф. Одоевского.

Романтические традиции в сказках В. С. Пажетнова прежде всего проявляются в подробных историко-этнографических сведениях, в «местном колорите», а также необычных для фольклорных текстов пространных описаниях природы и в той большой философско-эстетической роли, которую она играет. Как и у романтиков, природа в этих сказках является живым, одухотворенным организмом, в котором всё взаимосвязано и гармонично: небо, солнце, земля, растения и животные. Природа у Пажетнова прекрасна, величественна и таинственна, и свои тайны она открывает только тому, кто приблизился к ней, вчувствовался в нее, кто живет с нею одной жизнью. Такими в сказке «Урман и Родник» оказываются ее герои – лесник Евсей и его жена Оксана, которые поселились в лесу, уйдя «от шумного общества людей <...> Решили они жить в Урмане, доверяя ему свои радости и горести, в надежде на то, что этот загадочный лес примет их к себе не как случайных гостей, а как добрых жителей, доверит им свои тайны» [14, с. 3]. Действительно, природа постепенно доверчиво раскрывается перед героями: речная выдра поверяет Оксане тайну чудесных родников у Синей горы, образовавшихся от упавшей на землю солнечной слезы (солнце заплакало от сочувствия и жалости к сухой, каменистой, безжизненной земле) и тайну рождения самого леса. Отношения природы и *естественных* героев являются отношениями взаимопонимания помощи, любви и доверия.

Особенно тесными связями с романтической традицией отличается, на наш взгляд, сказка «Садовая дверца». В тексте сказки приводится местная топонимическая легенда о происхождении названия д. Пожня (ранее это было село – И. К., А. П. [4, с. 86]): «В самое предзимье на землю упал первый крепкий мороз, и выбелились инеем, как сахаром, жнивье и покосы. В ту пору проезжала через село царица Екатерина. Увидела ровные, выкошенные поля, покрытые хрустальной крошкой инея, не сдержала удивления от такой красоты, остановилась, вышла из возка, присела около стерни и сказала: “Красота-то какая! Какие пожни!” Прослышали люди про то, что царица сказала, так с тех пор и стали называть село Пожни» [14, с. 55]. Таким образом, в «Садовой дверце» отразился один из вариантов топонимических преданий, связанных с правителем-путешественником [3, с. 4–7]. Следует подчеркнуть, что и в других сказках В. С. Пажетнова действие происходит в реально существующей местности: «За добро добром и отплатится» — в Бубоницком лесу; в «Лесной больнице» упоминается Бубоницкий бор, река Серёжа, деревня Бубоницы.

Из личной переписки с Валентином Сергеевичем стали известны источники сказки «Садовая дверца»: «Конечно, я всё, или почти всё, выдумал, но не на пустом месте. О Екатерине и ее пребывании в наших местах сведения есть <...> Об искусном кузнеце-цыгане в Пожне мне рассказал Василий Степанович Степанов (Вакхов), который сам знал кузнечное дело и держал в Бубоницах свою кузницу» [19].

Таким образом, в сказке В. С. Пажетнова отозвались и местные предания, и факты реальной жизни, но господствует фантазия автора, развивающаяся в романтическом ключе. «Садовая дверца» — это

литературная, авторская сказка, но написанная человеком, знакомым с русским фольклором, и явно продолжающая одну из традиций русского искусства начала XIX в. – традицию творчества «в народном духе» [11].

Как и писатели-романтики, Пажетнов стремится увидеть в фольклоре философско-нравственный и эстетический смысл. Активно используя мотивы и образы народной сказки, автор придает им новое звучание. Если в русской народной сказке цыган часто изображался хитрым, плутоватым и даже связанным с нечистой силой, то в «Садовой дверце» предстают опозитизированные, полностью идеальные образы цыгана Забара и его дочери Лойолы, в которых автор воплощает такие нравственные качества, как высочайшее чувство долга, верность своему слову и данному обещанию, абсолютная честность и бескорыстие, самоотверженная любовь и сострадание. Забар не следует за своим табором и остается в русском селении, так как не может покинуть могилу умершей жены: «Похоронили цыганку и никуда цыган от этого места не захотел уходить. Крепко любил свою жену и после ее смерти остался ей верным» [14, с. 56]. Ради нежно любимого отца, ради данного им обещания Лойола приносит в жертву свою молодость и красоту и из юной красавицы превращается в сморщенную старушку с искалеченной рукой.

Подобный ценностно-нравственный аспект отличает развитие цыганской темы в сказке Пажетнова и от той ее романтизации, которая была характерна для русской и европейской литературы XIX века. Как известно, писатели-романтики часто обращались к изображению резкого контраста между тусклой, обыденной действительностью, «неволей душных городов» (А. С. Пушкин «Цыганы») и дикой вольной жизнью нецивилизованных, «естественных» народов, в особенности цыган. Цыганские персонажи нередко представляли как яркие, гордые личности, презирающие законы и утверждающие свое право на свободу от каких-либо ограничений, общественных и моральных, свое право на *абсолютную* свободу (раннее творчество М. Горького). Хотя имена героев Пажетнова и вызывают ассоциацию с повестью Горького «Макар Чудра», но Забар и Лойола полностью лишены гордого индивидуализма и живут по неписанным нравственным законам добра, любви и справедливости. Им ведом героизм (Лойола), но это героизм жертвенности.

В приведенном выше письме В. С. Пажетнова указывалось, что созданный им образ искусного цыгана-кузнеца имеет своим прототипом реальное лицо, однако здесь можно уловить смыслы, восходящие к древним мифологическим представлениям о кузнецах как существах, наделенных чудодейственной, созидательной силой и связанных с таинственной стихией огня [9, с. 21]. Вместе с тем, изображение кузнечного дела в сказке заставляет вспомнить столь важную для романтизма тему искусства. Кузнец Забар является подлинным художником, творцом, кузнечное дело под его руками становится высоким искусством. Выкованная им садовая дверца предстает как поистине художественный шедевр: «Смотрит боярин на дверцу – глаз от ее красоты отвести не может! С виду вся дверца легкая, нижняя часть затейливой вязью с дубовыми листочками перевита, средняя часть сосновыми лапками украшена, каждая из которых на медных иголочках красным, только что восходящим на рассвете солнышком светится, на иголочках из черного железа

– уходящей ночью. А верхняя часть горит рубиновой ягодой рябины-дерева, на каждой яголке серебряная блеска светом играет!» [14, с. 74].

Тема искусства непосредственно соотнесена с центральной идеей сказки – идеей преодоления зла добром. Судьба Забара и его дочери таинственными нитями сплетается с историей старинного рода новгородских бояр, над которым тяготеет вековое проклятье. Когда-то этот род захватил земли у Ильмень-озера, согнав с них мирно живших там «лесных людей». Это злодеяние породило другое и даже более жестокое: «У лесных людей были свои волхвы-колдуны. Наложили они на <...> род боярский за те злодеяния вековое проклятье. Род боярский в каждое поколение <...> должен потерять второго сына от каждой семьи» [14, с. 70–71].

Садовая дверца, которую знатный новгородский боярин (потомок этого рода) просит выковать Забара, должна способствовать снятию страшного проклятья. В этом и заключается ее таинственное предназначение. Одним из условий волшебного действия дверцы является то, что ее создателем может быть только подлинный Мастер, которому нет равных, который способен превратить кузнечное ремесло в искусство и воплотить в железном изделии живую красоту природы. И здесь в развитии сюжета сказки снова просматриваются романтические представления и мотивы. Если Забар видит в поручении боярина трудную загадку и долго не может понять, как приняться за работу, то Лойоле, подобно многим фольклорным и романтическим героиням, открывается некое интуитивное *сверхзнание*. Она догадывается о волшебной природе и таинственном назначении дверцы, о том, что боярин заказал ее отцу очень важную и «не простую работу <...> Тут не только мастерством нужно владеть <...> Таковую дверцу сделать можно только так, чтобы в каждую малую поковку знание и умение с добром и любовью вложить <...> А ты сердце свое послушай <...> сердце тебе само подскажет, что тебе делать нужно» [14, с. 60], – говорит Лойола отцу.

Источник провидческого дара Лойолы остается в сказке не вполне ясным (возможно, что он как-то связан с ее цыганским происхождением). Во всяком случае, великая миссия преодоления зла добром возлагается не только на Забара, но в большей степени и на его дочь. Именно перед ней предстает в виде раскаленного уголька волшебный помощник – Жарик, живущий в горне и воплощающий сам дух огня (своеобразная параллель романтическим саламандрам). Он раскрывает Лойоле тайну работы над дверцей: «Не каждый может эту работу выполнить. Тут одного мастерства мало. Но у тебя ум светлый и сердце доброе» [14, с. 61]. Придание дверце волшебной силы зависит от «доброты сердца» Лойолы, которая должна, жертвуя собой, отдать дверце свою молодость и красоту и тем самым оживить ее, вдохнуть в нее яркость красок и трепетную жизнь. Как известно, романтическая абсолютизация искусства была связана с утверждением его магического, преобразующего мир значения. И это высокое назначение искусство выполняет, если его творцом является человек с кристально чистой, детской и любящей душой, с добрым сердцем, который отдает своему творению всего себя, который проводит свое произведение через собственную душу и тем самым вдыхает в него живую жизнь [8, с. 69–73].

В сказке В. С. Пажетнова весьма значимы неоднократные описания садовой дверцы, которая кажется «с виду легкой, как листочек дубовый, красивой, как веточка сосновая, яркой, как ягодка рябины-дерева» [14, с. 58]. В чудодейственных способностях дверцы воплотилась творческая мощь самой природы, которая таким образом принимает самое непосредственное участие в победе над злом. Характерно, что снятие проклятия может произойти раз в сто лет, в пору весеннего пробуждения природы, «в тот день, когда зацветает первым цветом заветная яблонька, которая растет на высоком взгорке у Ильмень-озера» [14, с. 71]. Нарисованный В. С. Пажетновым пейзаж проникнут особой лаской и теплотой. Автор стремится «подсмотреть» малейшие детали и приметы просыпающейся к новой жизни природы: «...на дубе старом <...> почки лопнули. На яблоньке заветной тоже набухли, трещинкой пошли, и лепесток первый от цветка из одной трещинки показался» [14, с. 75], а когда Лойола срывает лепестки распутившихся яблоневых цветов, «в воздухе легкий и чистый звон повиснет, как от колокольца серебряного» [14, с. 76].

Поведение Лойолы в этом эпизоде, на наш взгляд, содержит элементы некоего культового действия. Проходя через дверцу к яблоньке, Лойола низко кланяется ей, а уходя, снова отдает ей земной поклон. В «заветной яблоньке», которая живет и распускается уже несколько столетий, можно видеть символ природы, ее животворящих сил, способных победить зло и смерть. Кланяясь яблоньке, Лойола склоняется перед Природой как вечной универсальной ценностью, Божественным началом. Съедая же лепестки яблони, Лойола как бы вбирает в себя живительные силы Природы, и в результате не только снимает древнее проклятье, но и возвращает свою молодость и красоту.

Счастливый финал сказки выполнен в фольклорных традициях: злые чары развеяны, добро побеждает и вознаграждается. Пережив ряд чудесных превращений, которые ассоциируются с обрядом инициации, Лойола вновь становится юной красавицей, хотя одна ее рука так и остается искалеченной, со «спекшимися пальчиками». Но здесь вновь возникает романтический нюанс: необычная для фольклорной сказки психологическая утонченность. Спасенный Лойолой от смерти боярский сын влюбляется в нее и, умоляя ее стать его женой, целует «большую ручку <...> поцелуем долгим и горячим. От его поцелуя пальчики, подгоревшие на руке у девицы, вдруг развернулись, по коже, коржиком запеченной, трещинки побежали, большая кожа корочками осыпалась и ладошка, как прежде, стала чистой, нежной кожей покрытая. Любовь беду поборол» [14, с. 77].

Таким образом, мораль сказки В. С. Пажетнова, восходя к народным (фольклорным) идеалам, утверждает и извечные романтические ценности: чудеса любви и искусства, красоту и творчество природы. Сказка «Садовая дверца» свидетельствует о неизбежности романтической традиции, которая продолжает жить и в современной региональной литературе. Это подтверждает сам Валентин Сергеевич: «И какой же охотовед может прожить без романтики?! Они, охотovedы, еще и глубоко подвержены наивной "детскости", которая не проходит с годами. И беда, и счастье одновременно! <...> Пусть будет любовь, которой не бывает мало или много, пусть будет столько, чтобы была ЛЮБОВЬ» (выделено авт. – И. К., А. П.) [20].

Список литературы

1. Бойкова, С. В гармонии и с природой и с собой [Текст] / С. Бойкова // Мой край (Торопец). – 2008. – 31 июля. – С. 2.
2. Бондарь, Д. Заповедные соседи [Текст] / Д. Бондарь // Движок (Торопец). – 2010. – 15 августа. – № 13 (27). – С. 6.
3. Виноградов, В. В., Громов Д. В. Легенды о путешествующей императрице [Текст] / В. В. Виноградов, Д. В. Громов // Живая старина. – 2007. – № 3 (55). – С. 4–7.
4. Воробьев, В. М. Географические названия Торопецкого района : справочник [Текст] / В. М. Воробьев. – Тверь : Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1999. – 128 с.
5. Воробьев, В. М. Торопчане : Стихи [Текст] / В. М. Воробьев. – Тверь: Славянский мир, 2007. – 80 с.
6. Государственная награда вручена В. С. Пажетнову [Текст] // Мой край (Торопец). – 2013. – 1 января. – С. 1.
7. Караев, Г. Н. На перекрестках столетий [Текст]. – М. : Молодая гвардия, 1981. – 191 с.
8. Карташова, И. В. «Портрет» Н. В. Гоголя и эстетические принципы В. Г. Вакенродера [Текст] / И. В. Карташова // Филологические науки. – 1984. – № 4. – С. 69–73.
9. Мифы народов мира [Текст] : в 2 т. ; ред. С. А. Токарев. – М. : Советская энциклопедия, 1988. – Т. 2 : К – Я. – 719 с.
10. Михайлов, А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма [Текст] / А. В. Михайлов // Эстетика немецких романтиков ; ред. М. Ф. Овсянников. – М. : Искусство, 1987. – 585 с.
11. Морозова, Е. А. Романтическое движение в русской литературе XVIII – нач. XIX вв. : творчество в «народном духе» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е. А. Морозова ; Моск. гос. ун-т. – М., 2004. – 30 с.
12. Нефедова, Л. «Чистый лес» и его обитатели [Текст] / Л. Нефедова // Мой край (Торопец). – 2008. – 26 июня. – С. 5.
13. Пажетнов, В. С. Мохнатое чудо [Текст] / В. С. Пажетнов. – М. : КМК, 2004. – 172 с.; Пажетнов В. С. Моя жизнь в лесу и дома [Текст] / В. С. Пажетнов ; ред. В. М. Воробьев. – Тверь : Седьмая буква, 2008. – 392 с.
14. Пажетнов, В. С. Сказки дедушки Вали [Текст] / В. С. Пажетнов. – Великие Луки : Великолукская гор. типогр., 2010. – 80 с.
15. Пажетнов, В. С. Сказки дедушки Вали [Текст] / В. С. Пажетнов. – Великие Луки : Великолукская гор. типогр., 2010. – 36 с.
16. Пажетнов, В. С. «А у нас во дворе» [Текст] / В. С. Пажетнов // Мой край (Торопец). – 2013. – 1 января. – С. 4.
17. Пажетнов, В. С. Одинец [Текст] / В. С. Пажетнов // Мой край (Торопец). – 2013. – 8 февраля. – С. 5.
18. Пажетнов, В. С. Петрович [Текст] / В. С. Пажетнов // Мой край (Торопец). – 2013. – 22 февраля. – С. 5.
19. Письмо от В. С. Пажетнова А. А. Петрову от 2.07.2012 г. [Текст] – Архив авт.
20. Письмо от В. С. Пажетнова А. А. Петрову от 3.03.2013 г. [Текст]. – Архив авт.
21. Ходченкова, Н. Дружба с природой – здесь главный закон [Текст] / Н. Ходченкова // Мой край (Торопец). – 2007. – 12 июля. – С. 2.

**ROMANTIC TRADITIONS IN V. S. PAZHETNOV'S CREATIVITY
(FAIRY TALE «A GARDEN DOOR»)**

I. V. Kartashova, A. A. Petrov

Tver State University

The department of the history of russian literature

Literary art creativity of scientist-biologist V. S. Pazhetnov is considered in this article. In the analysis of creativity of the writer were established folklore and romantic sources of fairy tales «Valya's grandfather». In conclusions it is specified that traditions of romanticism remain now in regional literature.

Keywords: *folklore, literature, romanticism, ethnography, local history.*

Об авторах:

КАРТАШОВА Ирина Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: ruslit@tversu.ru

ПЕТРОВ Алексей Андреевич – аспирант, старший преподаватель кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: aapetrov-kraeved@mail.ru